

Альтер М.

Палиндром

Альтер М. Палиндром

<https://litres.ru/74139472>

SelfPub; 2026

Аннотация

Писатель Виктор создаёт роман-палиндром, который можно читать с любого конца, — и в зеркальной структуре книги пробуждается древняя, тёмная сила. Каждая написанная глава меняет реальность, стирает память, призывает из зазеркалья жутких двойников. Читатели романа, доходя до середины, начинают забывать собственную жизнь в обратном порядке. Чтобы спасти себя и тех, кого он любит, Виктор должен завершить палиндром — и сделать выбор в точке, где конец и начало сливаются в одно. Мистический ужас о природе творчества, памяти и любви, преодолевающей любые отражения.

Содержание

Глава 1. Петля	4
Глава 2. Гость	25
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Альтер М. Палиндром

Глава 1. Петля

Бессонница стала его музой. Она приходила не сразу, не обрушивалась, как молот, а просачивалась в спальню вместе с запахом сырой штукатурки и старой бумаги. Сначала Виктор просто лежал, глядя в потолок, где тени от голых ветвей за окном плели бесконечную, неразборчивую вязь. Потом он начал думать. Мысли, днём вялые и клейкие, точно болотная жижа, к трём часам ночи обретали стальную чёткость. Они выстраивались в ряд, маршировали, требуя немедленного воплощения. Именно в такой час, в липкой тишине, разрываемой лишь неровным тиканьем старых ходиков, ему и пришла в голову идея романа.

Идея была проста и чудовищна.

Виктор сел на кровати. Жена, Марина, спала, отвернувшись к стене, укутавшись в одеяло до самого подбородка. Её дыхание было тихим, почти неслышным. В последнее время она спала так крепко, будто проваливалась в бездонный колодец, и это было Виктору на руку. Он не хотел объяснять ей, почему вскакивает среди ночи, почему его глаза горят болезненным, влажным блеском. Она бы не поняла. Она и

днём-то смотрела на него с той осторожной опаской, с какой смотрят на тронувшегося умом родственника. «Ты слишком много работаешь, Витя. Твои книги... они высасывают тебя». Она произносила это с заботливой интонацией, но в глубине её зрачков он читал приговор. Она считала его графоманом. Писателем одной удачной повести, который уже десять лет безуспешно пытается родить что-то стоящее, плодя горы никому не нужных черновиков.

Но теперь всё изменится. Теперь у него есть *это*.

Виктор спустил босые ноги на холодный пол. Дом спал, но для него только начинался рабочий день. Он прошёл в свой кабинет — крошечную комнату, до потолка забитую книгами. Книги громоздились на стеллажах, лежали стопками на полу, выглядывали из картонных коробок. Здесь пахло пылью, табаком и тем особым, сухим запахом тлена, который источает ветхая бумага. Он плотно закрыл дверь, отгораживаясь от спящего дома, зажёл настольную лампу под зелёным стеклянным абажуром и сел за массивный дубовый стол, заваленный черновиками.

В круге жёлтого света лежала стопка чистой бумаги и перьевая ручка. Виктор признавал только такой способ письма. Клавиши компьютера казались ему мёртвыми, стук клавиш — кладбищенским перезвоном. А настоящее творчество требовало соприкосновения живого с живым: металла пера, чёрной крови чернил и шершавой, ждущей плоти бумаги. Он взял ручку, согрел её в ладони. Идея, свернувшаяся

ся в мозгу тугим, светящимся клубком, начала медленно разворачиваться.

Роман-палиндром.

Не просто текст с зеркальными фразами или буквами. Нет, это было бы слишком мелко, слишком по-школьному. Его замысел был грандиозен и пугающ. Он хотел написать роман, который можно читать с конца. Где сюжет, начавшись в последней главе и двигаясь к первой, складывается в совершенно иную, противоположную историю. Зеркальный лабиринт смыслов. Если читать книгу от первой страницы к последней — это будет история о падении человека в бездну безумия. О том, как он теряет всё: любовь, рассудок, саму жизнь. Но если открыть конец и читать главу за главой вспять, это окажется повествованием о мучительном, страшном восхождении из тьмы к свету. О том, как демон пытается стать человеком. Или о том, как человек вспоминает себя.

Структура должна быть безупречной. Каждое событие, каждая реплика, каждый образ, помещённый в первую главу, обязаны были иметь своё зеркальное отражение в последней. При прямом чтении — это причина, ведущая к следствию. При обратном — следствие, порождающее причину. Время должно обратиться вспять, подчиняясь ритму перелистываемых страниц.

Виктор закурил. Дым заструился в луче лампы, создавая причудливые, колышущиеся фигуры. Ему вдруг вспомнилось детство, бабушка, читавшая ему старую сказку. «Сказ-

ка — ложь, да в ней намёк», — шептала она, и морщинистый палец скользил по строкам справа налево. Бабушка до революции училась в церковно-приходской школе и говорила, что по-настоящему мудрые книги раньше писали так, что читать их можно было и в ту, и в другую сторону. «Дьявол, Витенька, он всё норовит прочесть Божье слово задом наперёд. Потому как в обратном чтении — своя, тайная сила».

Тогда он смеялся над этими старушечьими бреднями. Теперь же ему казалось, что он ухватил за хвост какую-то древнюю, как мир, тайну. Палиндром — это не просто игра ума. Это попытка заглянуть за изнанку реальности, туда, где причина и следствие меняются местами, где конец является началом. Где Ад и Рай — одно и то же место, просто в него входят с разных сторон.

Он придвинул к себе первый лист. В верхней части, красивым, с нажимом, почерком вывел название. Одно слово, которое вмещало в себя всю суть замысла.

«Палиндром».

Ниже, более мелкими буквами, но всё так же старательно, он вывел эпиграф. Он пришёл к нему во время прошлой бессонницы и показался единственно верным ключом ко всей книге.

«Я — око. Око — я. Между нами лишь холод стекла и бесконечность отражений».

Стекло. Да, образ стекла, зеркала, любой отражающей поверхности будет центральным в романе. Его герой, чьё имя

пока не родилось, будет смотреться в зеркало в первой главе и видеть там человека. В последней главе, которая при прямом чтении станет финалом, а при обратном — зачином, он будет смотреть в то же зеркало и видеть в нём чудовище. Но самое страшное будет заключаться в том, что оба отражения — и человек, и монстр — будут истинны. Всё зависело лишь от направления взгляда.

Первая фраза далась с трудом. Слова, которые ещё мину- ту назад казались такими ясными и чеканными, вдруг рассы- пались, стали плоскими и безжизненными. Он комкал лист за листом, швыряя их в мусорную корзину. Зелёный глаз лампы бесстрастно взирал на его мучения. Тишина в доме становилась всё гуще, всё плотнее, она словно давила на ба- рабанные перепонки. Виктор чувствовал, как пространство кабинета начинает искажаться. Углы то выдвигались вперёд, то отступали в глубокую тень. Ему казалось, что стеллажи с книгами слегка покачиваются, дышат, как живые существа.

Внезапно тишину прорезал звук. Одинокий, короткий и влажный удар. Капля воды сорвалась с потолка и разбилась о паркет прямо посреди комнаты.

Виктор вздрогнул и уставился на мокрое пятнышко. От- куда? Крыша была капитально отремонтирована прошлым летом, наверху только холодный, пустой чердак. Он поднял взгляд к потолку. Никаких трещин, никаких подтёков. Иде- ально ровная, свежепобеленная поверхность. Он уже хотел списать это на игру воображения, на слуховую галлюцина-

цию, рождённую бессонницей, как вдруг увидел её.

По белой штукатурке, прямо над его столом, медленно, словно нехотя, расползлось пятно. Оно было тёмным, почти чёрным в тусклом свете, и имело неправильную, но отчётливо узнаваемую форму. Оно напоминало человеческий силуэт. Распластанный, с неестественно вывернутыми конечностями, будто человека пригвоздили к потолку.

Дыхание перехватило. Виктор смотрел, не в силах оторвать взгляд, чувствуя, как холод зарождается где-то в области копчика и ползёт вверх по позвоночнику, позвонок за позвонком. Пятно не просто было — оно увеличивалось, словно пропитывало штукатурку изнутри. Контуры его проступали всё явственнее. Вот проявилось плечо, вот — рука, тянущаяся вниз, к столу.

Он рывком отодвинулся, стул противно скрипнул по паркету. В висках застучало. «Галлюцинация. Просто переутомление. Марина права, я слишком много работаю. Нервное истощение. Обман зрения». Он принялся убеждать себя, проговаривая эти слова про себя, как заклинание. Но паника, звериная, иррациональная, уже сжала горло ледяными пальцами.

Он заставил себя встать. Ноги были ватными, не слушались. Схватив со стола тяжёлое пресс-папье — бронзовую собаку с поднятой лапой, — он, пошатываясь, залез на скрипучий венский стул. Осторожно, стараясь не дышать, приблизил лицо к потолку. Пятно было сухим. Совершенно су-

хим. И оно пахло. От потолка исходил слабый, тошнотворно-сладковатый запах. Запах старых, слежавшихся вещей, нафталина, пыли и ещё чего-то неуловимого, больничного. Запах лекарств и старческой плоти. Так пахло в комнате бабушки перед её смертью.

Он протянул руку и кончиками пальцев дотронулся до тёмного пятна. Штукатурка была ледяной, как стекло. И в тот миг, когда его пальцы коснулись холодной поверхности, в голове, минуя уши, раздался звук. Даже не звук, а вибрация. Низкий, утробный гул, похожий на звук лопнувшей басовой струны или на далёкий, подземный колокольный звон. Он шёл не снаружи, а изнутри пятна, проникая через кончики пальцев прямо в кости черепа.

Виктор отдёрнул руку, как от ожога, и, потеряв равновесие, рухнул со стула. Пресс-папье с глухим стуком упало на паркет. Он больно ударился локтем, но тут же вскочил на ноги, тяжело дыша и дико озираясь. Пятно на потолке исчезло. Снова ровная, белая поверхность. Ни следа. Только в воздухе ещё витал, медленно рассеиваясь, сладковато-тлетворный запах.

В коридоре послышались шаги. Мягкие, шлёпающие. Дверь кабинета приоткрылась, и на пороге показалась Марина. В ночной рубашке, с растрёпанными волосами, она шурилась от света.

— Вить? Ты чего? Я слышала грохот. Ты упал?

Голос её звучал встревоженно, но в глазах всё ещё плавал

туман сна. Она, казалось, не до конца понимала, что происходит.

— Ничего. Всё в порядке, — хрипло ответил он, пытаясь привести дыхание в норму. Сердце колотилось, норовя выпрыгнуть из груди. — Стул опрокинулся. Неудачно встал. Иди спи.

Марина сделала шаг в комнату и вдруг остановилась, поведя носом.

— Чем это так пахнет? Как в аптеке... или как у твоей бабушки в чулане. Станный запах. У тебя тут что-то пролилось?

— Нет. Я ничего не чувствую, — солгал он, отводя взгляд. Ему нестерпимо захотелось, чтобы она ушла. Её присутствие сейчас, в этой комнате, где только что витало *ничто*, казалось кощунственным, опасным. — Иди спать, Марин. Я ещё поработаю. Мысль хорошая в голову пришла.

Она постояла ещё мгновение, кутаясь в рубашку и внимательно глядя на мужа. В её взгляде читалось сомнение и та самая, знакомая до боли опаска.

— Ты себя до ручки доведёшь, Витя. У тебя мешки под глазами, как синяки. Ложись. Ну какая работа в четвёртом часу ночи? Господь с тобой.

— Иди. Я скоро приду.

Пожав плечами, Марина повернулась и вышла. Её шаги удалились в сторону спальни. Дверь скрипнула, и всё стихло. Виктор остался один. Тишина снова сомкнулась вокруг,

но теперь она была иной. Наэлектризованной. Он чувствовал чьё-то присутствие. Не злое, не доброе — просто чужое. Словно в кабинете, помимо него, находился некто, стоящий в тёмном углу и молча наблюдающий за его работой.

Эта мысль была нелогичной, пугающей, но вместе с тем она принесла странное, извращённое утешение. Он не один. Его одиночество, его творческие муки наконец-то привлекли внимание. Кого? Он не знал. Но твёрдо знал, что этот новый роман — не просто книга. Это приглашение. Или вызов.

Странное происшествие не отбило желания писать, напротив — обострило его до предела. Теперь он точно знал, с чего начнёт. Перо снова легло в руку, как влитое. Слова потекли сами, легко и свободно, будто кто-то нашёптывал их ему на ухо.

«Он открыл глаза и увидел потолок. Белый, ровный, без единой трещины. Совершенная пустота. Это было первое, что он осознал, вернувшись из небытия, — абсолютную, геометрическую белизну над головой. Она давила, как пресс, обещая забвение. Ему показалось, что он лежит на дне глубочайшего колодца, глядя в круг далёкого, равнодушного неба. Но это был потолок. Палата номер семь. Он знал это так же твёрдо, как и то, что ничего больше не помнит...»

Так рождался герой. Человек без прошлого, очнувшийся в психиатрической клинике. Безымянный. Просто пациент номер семь. Его история, при прямом чтении, должна была стать историей погружения в мрак. Сначала он найдёт днев-

ник предыдущего обитателя палаты, такого же безымянного, и начнёт его читать. Дневник будет описывать чудовищные события, и постепенно грань между личностью читающего и автором дневника сотрётся. Номер семь начнёт совершать те же поступки, приходиться к тем же ужасным выводам. В финале романа он поймёт, что прочитанный им дневник — его собственный. Что он обречён на бесконечное повторение одного и того же круга безумия, и единственным выходом из него будет шаг в зеркало. В то самое зеркало, висящее в палате.

Но это будет при чтении от начала к концу. При чтении от конца к началу, всё перевернётся. Зеркало станет дверью. Шаг в него — не гибелью, а освобождением. И с каждой прочитанной в обратном порядке главой он будет не терять рассудок, а обретать память. Восстанавливать свою личность из осколков, двигаясь от финального, абсолютного безумия к первой вспышке осознания. «Конец» станет рождением. «Начало» — смертью.

Виктор писал до самого рассвета, не замечая ни времени, ни занемевшей спины, ни холода в пальцах. Он чувствовал себя медиумом, проводником чьей-то чужой, могущественной воли. Пейзажи клиники выходили из-под его пера удивительно живыми, почти осязаемыми. Он описывал облупившуюся масляную краску на стенах, запах карболки и подгоревшей овсянки, тяжёлый, пристальный взгляд санитаря по имени Глеб. Глеб — это имя пришло само. Глеб. Про-

стое, грубое, надёжное, как тюремный засов.

Особое место он отвёл зеркалу. Оно висело в палате номер семь над раковиной. Старое, в облупившейся бронзовой раме, с мутноватой амальгамой, в которой предметы отражались с искажением, приобретая зловещие, гротескные черты. Виктор писал о том, как его герой впервые подходит к этому зеркалу.

«Он посмотрел в мутную глубину. Оттуда на него глядел человек. Усталый, с залёгшими под глазами тенями и трёхдневной щетиной на впалых щеках. Самое обыкновенное лицо. Слишком обыкновенное, чтобы быть чьим-то. Он поднял руку — отражение повторило жест. Но Алексею (он ещё не знал, что это его имя, но я, автор, уже знаю) показалось, что отражение опоздало на долю секунды. Что оно не повторило жест, а само подняло руку, а он лишь скопировал его движение. Морок. Игра усталых нервов. Он умылся ледяной водой, прогоняя наваждение, но, вытирая лицо жёстким вафельным полотенцем, готов был поклясться, что слышит из-за стекла тихий, приглушённый шёпот...»

Когда за окном посерел воздух и первые, ещё робкие птицы начали пробовать голоса, Виктор отложил перо. Он написал почти три десятка страниц, и каждая из них была словно вырезана на каменной скрижали — ни одной помарки, ни одного лишнего слова. Странное, лихорадочное возбуждение схлынуло, оставив после себя опустошённость и тупую, ноющую боль в висках. Пальцы сводило судорогой.

Он встал, размял затёкшие плечи и подошёл к окну. За грязноватым стеклом занимался хмурый, ветреный октябрьский рассвет. Голые ветви старой лиственницы царапали небо. В доме напротив зажглось одинокое окно — чья-то бессонница пришла ему на смену. Мир просыпался, возвращался к своей обыденной, серой жизни, но для Виктора всё изменилось. Он пересёк невидимую черту.

Он отпер ящик стола — тот самый, который всегда запирали от Марины, — и убрал туда рукопись. Сверху, на пухлую папку, положил тяжёлое пресс-папье. Бронзовая собака тускло блеснула в лучах восходящего солнца, и на мгновение ему показалось, что в её металлических зрачках затаилась живая, хищная мысль.

В последующие дни жизнь Виктора раскололась на две неравные части. Днём он был вялым, раздражительным, выполнял рутинные обязанности, отвечал невпопад, прятал глаза от жены. Марина пыталась его расшевелить, заводила разговоры о предстоящем отпуске, о том, что им нужно сменить обстановку, уехать к морю. Он отмахивался, обещал подумать, но мысли его были далеко. Точнее, не далеко, а в ящике стола, под бронзовой собакой. Его дневной разум словно был замутиён, затянут плёнкой, как застоявшаяся вода. Настоящим он становился только ночью, когда запирался в кабинете и зажигал лампу.

Ночь была его временем. Его стихией. С каждым часом, проведённым за рукописью, его связь с дневным миром сла-

бела, а с миром, рождённым его воображением, — крепла. Он уже не просто писал книгу, он жил в ней. Он знал каждый закоулок психиатрической лечебницы, ставшей местом действия. Знал запах каждого коридора, скрип каждой половицы. Он слышал голоса санитаров, безликих и равнодушных, шаркающие шаги пациентов в мягких войлочных тапочках. Но самым реальным, самым живым для него становился пациент номер семь.

Герой начал обретать плоть и кровь, а вместе с ними — и своенравный характер. Он перестал быть безвольной марионеткой в руках автора. Виктор с изумлением, а затем и с ужасом понял, что его персонаж начинает совершать поступки, которых в черновиках не было. Он заходил не в те двери, которые планировал для него автор, произносил реплики, рождающиеся будто из ниоткуда. Словно кто-то водил пером Виктора помимо его воли.

Однажды, проснувшись далеко за полдень, Виктор обнаружил на своём запястье синяки. Чёткие, тёмно-фиолетовые, будто его кто-то крепко держал за руку. Он не мог вспомнить, откуда они. В тот день он описывал сцену, где санитар Глеб делает его герою болезненный укол, насильно удерживая его. И укол этот должен был ставиться именно в правое запястье. Совпадение? Виктор потёр синяк, чувствуя, как страх холодной змейкой вползает в душу. Он ничего не сказал Марине, просто надел рубашку с длинными рукавами.

В другой раз, перечитывая написанное, он нашёл на полях заметку, сделанную его же почерком, но которую он совершенно не помнил. *«Спроси у зеркала, кто ты. Только будь готов услышать ответ»*. Это было написано шариковой ручкой, хотя он пользовался исключительно перьевой. Он скомкал лист и бросил в камин, но странное чувство, что кто-то читает рукопись через его плечо, не проходило. Кто-то или что-то стояло за его спиной каждую ночь, дышало в затылок, вело его руку.

Город, в котором жил Виктор, тоже, казалось, начал подыгрывать сюжету его романа. Дом, где он снимал квартиру, был старым, с длинным, гулким коридором и высокими потолками, теряющимися в сумраке. По ночам, когда Виктор выходил из кабинета на кухню заварить себе чай, коридор казался бесконечным. Лампочка на его конце давно перегорела, и тьма там стояла густая, почти материальная. Он шёл, и ему чудилось, что стены сдвигаются, а из тёмных углов за ним наблюдают внимательные, нечеловеческие глаза. Однажды ему показалось, что из мрака в конце коридора на мгновение выступила фигура в белом. Высокая, сутулая, с безвольно висящими руками. Больничная пижама. Виктор замер, сердце рухнуло в пятки. Он вглядывался до рези в глазах, но там никого не было. Только тьма, которая словно стала ещё гуще.

На пятый день он понял, что не может выйти из дома. Не в буквальном смысле — физически он был свободен. Но каж-

дый раз, когда он брался за ручку входной двери, его охватывала безотчётная паника. Ему казалось, что, переступив порог, он окажется не в своём пыльном, залитом осенним солнцем городе, а в том самом длинном больничном коридоре с облупившейся зелёной краской на стенах. Что дверь его квартиры стала дверью в палату номер семь. Он отдёргивал руку и возвращался в кабинет, к рукописи. Только там он чувствовал себя в относительной безопасности. Или, наоборот, в самом эпицентре опасности, но зато в привычной, контролируемой.

Марина смотрела на него всё с большей тревогой. Её терпение было на исходе.

— Ты не выходишь на улицу пять дней, Витя! — сказала она, входя без стука в его кабинет. Это случилось в пятницу, в обед. На ней было пальто и шапка, она явно собиралась уходить. — Ты не брился, ты почти не ешь! Ты превращаешься в призрак! Что с тобой происходит? Посмотри на себя!

Она схватила со стола небольшое овальное зеркало в металлической оправе, которое он использовал как пресс для бумаг, и резко поднесла к его лицу.

Виктор вздрогнул и отпрянул. Не от неожиданного жеста, а от того, что увидел. Из зеркальной глубины на него смотрел не он. Конечно, это было его лицо — те же впалые щёки, та же неухоженная борода, тот же лихорадочный блеск в глазах. Но за этим лицом, словно сквозь мутное стекло, просту-

пало другое. Лицо его героя. Абсолютно чужое, с резкими, грубыми чертами и выражением обречённости, смешанной с чудовищной надеждой.

Он в ужасе отшатнулся, ударившись спиной о книжный шкаф. Книги посыпались на пол, поднимая облака пыли. Марина в недоумении опустила зеркало.

— Что? Что ты там увидел? — спросила она, и в её голосе впервые прозвенел настоящий испуг. Она оглянулась на зеркало, потом снова перевела взгляд на мужа. — Там только ты, Вить. Только ты, осунувшийся и страшный, как чёрт с похмелья. В чём дело?

— Убери эту дрянь, — прохрипел он, отворачиваясь и закрывая лицо ладонью. — Пожалуйста, просто убери.

Она со стуком положила зеркало отражающей поверхностью вниз, на кипу черновиков. В комнате повисла напряжённая, готовая лопнуть тишина.

— Так больше не может продолжаться, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я не знаю, что ты там пишешь и что с тобой творится, но это ненормально. Я звоню доктору. Или... я не знаю. Может, нам уехать прямо сегодня? К чёрту твою работу, к чёрту этот дом.

— Нет! — почти выкрикнул он. — Никаких докторов. Никаких отъездов. Ты не понимаешь... Я не могу сейчас остановиться. Я на пороге... на пороге чего-то грандиозного. Или чудовищного. Но я должен это дописать.

— Чего дописать? — она схватила верхний лист с его сто-

ла. — Этого? «И тогда он понял, что стены палаты — это единственная реальность, а жизнь снаружи была лишь долгим, причудливым сном». Ты про это? Виктор, это бред! Это бред сумасшедшего!

— Отдай! — он рванулся к ней, выхватил лист, едва не порвав его. — Ты ничего не смыслишь в литературе! Не смей трогать мои вещи! Уходи! Уходи и оставь меня в покое!

Никогда прежде он не кричал на неё так. Никогда в его голосе не было столько злобы и отчаяния. Марина побледнела, губы её задрожали. Она молча смотрела на мужа, и в её глазах он прочитал окончательный, страшный приговор. Она увидела не любимого человека в творческом кризисе. Она увидела одержимого.

— Хорошо, — сказала она ледяным тоном. — Я уйду. Я уеду к маме. Поживу там пару дней. И ты за это время реши, что тебе дороже: твоя проклятая книга или наша семья.

Она повернулась и вышла. Хлопнула входная дверь. Виктор остался один в притихшей квартире. Он слышал, как затихает стук её каблуков на лестнице. Потом всё стихло. Только тиканье ходиков в гостиной отсчитывало удаляющиеся секунды. Он подошёл к окну и увидел, как Марина, сгорбившись, садится в такси. Жёлтая машина фыркнула выхлопным газом и скрылась за поворотом.

И как только она скрылась из виду, Виктор почувствовал огромное, почти физическое облегчение. Словно гора с плеч свалилась. И вместе с тем, пустота в доме стала абсолютной.

И эта пустота была заполнена ожиданием. Его ждали. Ждали там, за столом, в ящике, под бронзовой собакой. Он вернулся в кабинет, чувствуя, как ускоряется пульс. Книга звала его. Теперь уже не было нужды притворяться нормальным, соблюдать дурацкий дневной режим. Можно было уйти в работу с головой, навсегда.

Он писал до самой глубокой ночи. Он описывал первую встречу пациента номер семь со своим отражением в зеркале, когда отражение впервые заговорило с ним. Описывал, как его герой бежит по лабиринтам лечебницы, преследуемый собственным голосом, звучащим изо всех зеркальных поверхностей — из стёкол, из начищенных медных ручек, из лужи воды на полу.

«— Ты — это я, — шептало отражение, скалясь в чужой, кривой усмешке. — Но я — это не ты. Я тот, кем ты мог бы стать, если бы хватило смелости. Я тот, кого ты запер в зеркале много лет назад. Сейчас мы поменяемся местами».

Ровно в три часа ночи, в то самое время, когда мир на миг замирает, а границы между реальностями истончаются, в дверь позвонили. Звонок был резким, неожиданным, он разорвал тишину, как скальпель.

Виктор вздрогнул и уронил перо. На листе расплылась безобразная чёрная клякса. Кто мог прийти в такой час? Марина? Нет, она далеко, в трёх часах езды. Может быть, соседи? Запах газа? Пожар? Полиция?

Он на негнущихся ногах подошёл к входной двери. В глазок ничего не было видно — на лестничной площадке лампочка тоже не горела, царила крошечная тьма.

— Кто там? — спросил он, стараясь придать голосу уверенности.

Тишина. Только тихое, едва уловимое шуршание.

— Я спрашиваю: кто?!

И вдруг из-за двери, из самой сердцевины тьмы, раздался голос. Глухой, надтреснутый, какой-то плоский, лишённый обертонов. Голос, который шёл словно не из человеческого горла, а из магнитофона или... из-за стекла.

— Откройте, будьте добры. Моё имя — Глеб. Я пришёл забрать то, что вы написали. Вы же ждали меня, Виктор Алексеевич.

Виктор почувствовал, как ледяная волна ужаса сковывает его тело. Санитар Глеб. Вымышленный персонаж его романа. Имя, которое он придумал несколько ночей назад, сидя за столом в уютном круге света. Этого не могло быть. Это был сон, бред, галлюцинация. Но стук собственного сердца был слишком громким, а металлический холод дверной ручки — слишком реальным.

Он попятился, не сводя глаз с двери. Звонок зазвонил снова, на этот раз — длинной, требовательной трелью, которая, казалось, проникала прямо в мозг. А потом он услышал то, что заставило его кровь свернуться в жилах. Он услышал звук, идущий изнутри его собственной квартиры. Из его ка-

бинета.

Там, в кабинете, кто-то скрёбся. Кто-то царапал стекло.

Виктор медленно, словно в кошмарном сне, повернулся и пошёл обратно по тёмному коридору. Дверь кабинета, которую он точно помнил, что закрыл, была распахнута настежь. Из проёма лился мертвенный, серебристый свет — не свет его лампы, а холодное, лунное сияние, хотя небо за окном было затянуто тучами.

Он переступил порог. Свет исходил от зеркала. Того самого овального зеркала в металлической оправе, что лежало на столе. Сейчас оно стояло, прислонённое к стопке книг, и его поверхность не отражала комнату. Она была подобна окну, распахнутому в серую, туманную мглу. И из этой мглы на него смотрело лицо. Его собственное. Но искажённое ненавистью и ужасом. Оно кричало, беззвучно разевая рот. Оно колотило кулаками по стеклу изнутри, и именно этот стук, этот скрежет он и слышал.

Его отражение было в ловушке. И оно хотело выбраться наружу.

А в дверь продолжали звонить. Настойчиво, непрерывно, заполняя собой всё пространство. Виктор стоял посреди комнаты, зажатый между двумя ужасами, и чувствовал, как нить, связывающая его с реальным миром, натягивается до предела, готовая лопнуть в любую секунду. И книга, его «Палиндром», лежавшая на столе, была уже не просто стопкой бумаги. Она была дверью, и он сам, не ведая того, написал

ключ, который открыл её. Он заглянул в бездну, и бездна не просто взглянула в ответ. Она прислала за ним санитаров.

Он понял, что дописать книгу до конца ему не дадут. История уже вышла из-под контроля и начала писаться сама. Или он сам уже стал персонажем чьей-то чужой, куда более страшной рукописи, которую кто-то читает, лениво перелистывая страницы, справа налево.

Гулкий удар в дверь сотряс стены квартиры. Зеркало на столе покрылось паутиной трещин, исказив лицо пленника в тысяче осколков. Виктор закричал, но крик его потонул в грохоте ломающегося дерева. Входная дверь рухнула.

Глава 2. Гость

Грохот падающей двери прокатился по квартире подобно удару грома, но Виктор не услышал его — он ощутил этот звук всем телом, каждой костью, каждым нервным окончанием, как ощущают подземный толчок. Пол вздрогнул под ногами, стены качнулись, с книжных полок сорвались и посыпались вниз тома — старые, пыльные, они падали с глухим, каким-то окончательным стуком, словно комья земли о крышку гроба. Стекло в овальном зеркале, только что покрытое паутиной трещин, вдруг осыпалось мелкой серебрястой крошкой, и лицо пленника, кричавшее из зазеркальной мглы, исчезло, растворилось, будто его и не было. Только горстка стеклянной пыли на столе, поблёскивающая в неверном свете настольной лампы, напоминала о том, что мгновение назад здесь разыгрывалась безмолвная драма.

Тишина наступила так же внезапно, как и грохот. Она была абсолютной, неестественной, какой-то ватной. Виктор стоял, прижавшись спиной к книжному шкафу, и смотрел в тёмный проём двери, ведущий в коридор. Его сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать, в висках стучало, перед глазами плыли цветные круги. Он знал, что должен бежать, прятаться, хвататься за телефон, звать на помощь — что угодно, только не стоять, замерев, словно парализованный кролик перед гипнотическим взглядом удава. Но тело

не слушалось. Мышцы одеревенели, суставы налились свинцовой тяжестью. Страх, самый древний, самый первобытный страх перед неведомым, сковал его по рукам и ногам.

Из коридора не доносилось ни звука. Тот, кто выбил дверь, теперь молчал. Виктор напрягал слух, пытаясь уловить шорох шагов, скрип половиц, дыхание — любое свидетельство того, что в его дом проник чужой. Но тишина была полной. Она была такой глубокой, что он слышал, как шелестит кровь в его собственных ушах, как бьётся пульс на шее, как где-то в глубине квартиры монотонно, с равнодушной пунктуальностью тикают старые ходики. Этот мирный, привычный звук казался сейчас издевательством, насмешкой над всем происходящим.

Минуты текли, медленные, как густой сироп. Ничего не происходило. Это пугало едва ли не больше, чем само вторжение. Виктор осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, отлепился от шкафа. Ноги дрожали, готовые подогнуться в любой момент. Он сделал шаг к столу, где лежала рукопись, и остановился. Взгляд его упал на грудку осколков, бывшую некогда зеркалом. И среди этих осколков он увидел то, отчего кровь в его жилах снова обратилась в лёд.

Там, в одном из самых крупных фрагментов, всё ещё что-то отражалось. Но это не была его комната. Не его стол, не его лампа, не его лицо. В зеркальном осколке виднелось помещение, залитое тусклым, зеленоватым светом. Длин-

ный коридор с облупившимися масляной краской стенами, с рядом дверей, обитых потрескавшимся дерматином, с цементным полом, выкрашенным в унылый, больничный серый цвет. Коридор из его романа. Коридор психиатрической лечебницы, где томился пациент номер семь.

И по этому коридору кто-то шёл.

Фигура приближалась из глубины зеркального осколка, и с каждой секундой её очертания становились всё более чёткими. Высокий, грузный человек в мятом белом халате, накинутом поверх тёмной рубашки. У него было широкое, маловыразительное лицо, маленькие, близко посаженные глаза и тяжёлая, выступающая вперёд челюсть. Двигался он медленно, вразвалку, но в каждом его шаге чувствовалась огромная, уверенная сила. Санитар Глеб. Именно таким Виктор описал его несколько дней назад. Именно таким он его себе и представлял.

Видение приближалось. Теперь было видно, что на халате санитара, чуть ниже нагрудного кармана, расплылось бурое пятно. Пятно, похожее на засохшую кровь. В правой руке Глеб держал какой-то длинный, завёрнутый в серую тряпку предмет. Виктор знал, что это, хотя в романе ещё не успел об этом написать. Это был инструмент. Инструмент для усмирения буйных пациентов.

Внезапно санитар остановился. Он повернул голову, и его маленькие, заплывшие жиром глазки уставились прямо на Виктора. Сквозь стекло. Сквозь реальность. Взгляд был

тяжёлым, оценивающим, равнодушным, как взгляд мясника, выбирающего скотину. Губы Глеба раздвинулись в подобии улыбки, обнажив жёлтые, прокуренные зубы. И Виктор услышал его голос — тот самый глухой, лишённый обертонов голос, который только что звучал из-за входной двери. Голос, который не нуждался в воздухе, чтобы быть услышанным.

— А ты, я смотрю, всё балуешься, писатель... — произнёс Глеб, и его слова прозвучали прямо в голове у Виктора, минуя барабанные перепонки. — Бумажки свои пачкаешь. А про меня не забыл? Хорошо меня описал, душевно. Только ты, это... того. Не дописал. Не закончил. А незаконченное оно, знаешь ли, что? Оно наружу лезет. Оно требует завершения.

Виктор в ужасе отшатнулся и опрокинул стул, который с грохотом рухнул на пол. Звук этого падения словно разорвал наваждение. Осколок зеркала потускнел, изображение больничного коридора подёрнулось рябью и исчезло. В стекле снова отразилась только комната — его кабинет, заваленный книгами и черновиками.

Но голос из коридора подтвердил, что самое страшное отнюдь не закончилось.

— Чего шумишь, Виктор Алексеевич? — произнёс тот же голос, но теперь он звучал не в голове, а совершенно реально, из тёмного проёма двери. — Я к тебе с разговором пришёл, по-соседски, можно сказать. А ты прячешься. Нехоро-

шо. Не по-людски это. Ты уж выйди, не бойся. Я не кусаюсь. По крайней мере, не сразу.

Послышались шаги. Тяжёлые, уверенные. Половицы коридора, знавшие на своём веку многие ноги, жалобно скрипели под весом незваного гостя. Скрип этот приближался, и вместе с ним приближался и запах — запах табака, дешёвого больничного мыла и ещё чего-то сладковато-тошнотворного, уже знакомого Виктору по ночи первого озарения. Запах старческой плоти и лекарств. Запах тления.

Виктор судорожно огляделся в поисках оружия. Взгляд упал на бронзовое пресс-папье — тяжёлую собаку, которая всё так же невозмутимо стояла на стопке черновиков. Он схватил её, ощущая холод металла в мгновенно вспотевшей ладони, и прижал к груди. Слабая защита, но хоть что-то. Хоть какая-то иллюзия контроля.

Гость показался в дверях кабинета. Это был он. Санитар Глеб. Высокий, массивный, в мятом белом халате, под которым угадывалась тёмная рубашка. Тот самый человек, которого Виктор никогда в жизни не видел, но узнал бы из тысячи. Потому что он сам его создал. Своим воображением. Своими словами. Своей проклятой книгой.

Глеб остановился на пороге и обвёл комнату медленным, цепким взглядом. Он рассматривал стеллажи с книгами, вороха бумаг на столе, засохшие чернильные пятна, окурки в пепельнице. Его маленькие глазки, казалось, подмечали каждую деталь, каждую пылинку. На его лице застыло вы-

ражение сдержанного, даже какого-то профессионального интереса. Так санитар в психиатрической лечебнице осматривает палату нового пациента — оценивая обстановку на предмет потенциальных опасностей и возможностей для суицида.

— Ну, здравствуй, — произнёс он наконец, и его голос, низкий и рокочущий, заполнил собой всё пространство комнаты. — Вот мы и встретились. В писаниях-то твоих мы уже хорошо познакомились, а вот так, лицом к лицу... в первый раз. Ничего, не робей. Я не такой страшный, как ты меня изобразил. Или, может, наоборот — куда страшнее?

Он усмехнулся, и от этой усмешки у Виктора мурашки побежали по спине. Это была не угрожающая усмешка, нет. В ней сквозило нечто гораздо более жуткое — чувство собственного превосходства, абсолютной, незыблемой власти. Так улыбается палач, глядя на осуждённого, который ещё надеется на помилование.

— Кто... кто ты такой? — выдавил из себя Виктор, ненавидя себя за дрожащий, жалкий голос. — Ты не можешь быть... Я тебя выдумал. Ты плод моего воображения.

— Воображения? — Глеб приподнял бровь. — Может, и так. А может, и нет. Вот ты, Виктор Алексеевич, как думаешь: человек сначала придумывает слово, а потом то, что оно означает? Или наоборот — сначала появляется вещь, а человек лишь подбирает для неё название? Ты написал обо мне, это верно. Но кто тебе сказал, что ты меня выдумал, а не...

призвал? Позвал? Открыл дверь, в которую я и вошёл?

Виктор смотрел на него, не в силах отвести взгляд. Вся его рациональная, скептическая сущность кричала, что этого не может быть, что это бред, галлюцинация, сон. Но пять органов чувств упрямо твердили обратное. Он видел Глеба — фигуру, которая отбрасывала тень на стену, освещённую лампой. Он слышал его голос и его дыхание — тяжёлое, с присвистом, дыхание заядлого курильщика. Он обонял запах, исходящий от этого человека, — запах табака и карболки. А если он сейчас дотронется до него, то наверняка почувствует тепло живого тела.

— Зачем ты пришёл? — спросил Виктор, стараясь, чтобы голос звучал твёрже.

— Дело есть, — просто ответил Глеб. Он прошёл в комнату, не спрашивая разрешения, и тяжело опустился на стул, стоявший у стены. Стул жалобно скрипнул под его весом. — Серьёзное дело. Ты уж извини за дверь, погорячился малость. Но ты бы мне всё равно не открыл, верно? А стучать да упрашивать я не обучен. У меня работа такая — не стучать, а входить. Там, — он неопределённо кивнул в сторону, — без этого никак. Больные — они ведь как: чуть слабинку дашь, и всё, пиши пропало. Они тебя и сожрут, и косточек не выплюнут.

Он достал из кармана халата мятую пачку папирос «Беломорканал» и, не спрашивая разрешения, закурил. Кислый, едкий дым поплыл по комнате, смешиваясь с запахом пыли

и старых книг. Виктор молчал, лихорадочно соображая, что делать. Бежать? Но куда? Входная дверь выбита, но лестничная площадка — уже другой мир, мир нормальных людей, где можно кричать и звать на помощь. Но сможет ли он убежать? Этот человек, кем бы он ни был, явно сильнее. И у него есть тот свёрток, который он положил сейчас себе на колени. Длинный, завёрнутый в серую ткань.

— Какое дело? — спросил Виктор, стараясь тянуть время.

— А такое дело, — Глеб выпустил струю дыма в потолок, — что книжечку твою надобно закончить. В срок. И строго по правилам. Ты как начал-то её писать? С первой главы, верно? А кто тебе сказал, что это правильно? Ты вообще в курсе, что ты за книгу затеял? Это ж не романчик про любовь-морковь. Это, брат, палиндром. А палиндром — он штука особая. Его с какой стороны ни читай, всё едино должно быть. И конец, и начало — всё зеркально.

— Я знаю, что такое палиндром, — буркнул Виктор.

— Знаешь, да не всё, — Глеб покачал головой. — Ты, небось, думаешь, что это просто игра слов? Что это такая забава для умников? Нет, голубчик. Палиндром — это закон. Древний закон, по которому всё в этом мире устроено. Жизнь и смерть. Начало и конец. Всё связано, всё перевёрнуто. Всё — одно большое зеркало. А ты в это зеркало заглянул и решил, что можешь по ту сторону свои порядки наводить. Не выйдет. Там уже есть свои порядки. И свои надзиратели.

Виктор вдруг почувствовал вспышку злости. Этот незванный гость, этот порождённый больным воображением персонаж смеет ему угрожать? Смеет учить его, как писать? Творческая гордость, та самая гордость, что заставляла его корпеть над рукописями ночи напролёт, вскипела в его душе.

— Ты — никто, — сказал он, сжимая в руке пресс-папье. — Ты просто буквы на бумаге. Мои буквы. Я создал тебя, и я же могу тебя уничтожить. Стереть. Разорвать рукопись, сжечь её. И ты исчезнешь.

Глеб посмотрел на него долгим, внимательным взглядом. Улыбка исчезла с его лица. Теперь оно было непроницаемым, как каменная маска. В комнате ощутимо похолодало. Даже дым папиросы, казалось, застыл в воздухе.

— Попробуй, — тихо, почти ласково произнёс Глеб. — Ну, попробуй. Вон она, рукопись твоя. На столе лежит. Возьми и порви. Сожги. Посмотрим, что будет. Посмотрим, кто кого создал, а кто кого. Может, это ты — мои буквы? Может, это я тебя пишу? Может, этот твой кабинет, твоя жена, вся твоя жизнь — это всего лишь третья глава, а ты, сидящий в ней, понятия не имеешь, что будет в четвёртой?

Эта фраза ударила Виктора в самое сердце. Он вспомнил то чувство, которое посетило его в первую ночь работы над романом: чувство, что кто-то стоит за его плечом и водит его рукой. Вспомнил странные заметки на полях, сделанные его почерком, но не его волей. Вспомнил синяки на запястьях, совпавшие с описанной в романе сценой. Холодок сомнения

пробежал по его душе. А что, если...

— Не мели чушь, — сказал он, но голос предательски дрогнул.

— Чушь, говоришь? — Глеб медленно, со скрипом, поднялся со стула. — Ну, давай проверим. Я, так уж и быть, дам тебе подсказку. Ты в свою книгу только первую главу написал, верно? А я уже здесь. С тобой. Сiju, курю. А теперь представь, что будет, когда ты до середины доберёшься? А до последней главы? Ты вообще понимаешь, за что взялся? Ты не просто роман пишешь, Виктор Алексеевич. Ты реальность кроишь. Ты палиндром запускаешь.

Он шагнул к столу и взял в руки верхний лист рукописи — тот самый, где Виктор описывал пробуждение пациента в клинике. Глеб пробежал текст глазами, шевеля губами, как это делают люди, не привыкшие много читать.

— Хорошо пишешь, — сказал он. — Ярко. Душевно. Особенно вот это место: «...ему показалось, что он лежит на дне глубочайшего колодца, глядя в круг далёкого, равнодушного неба». А ты сам-то как думаешь: кто из нас в колодце? Ты или он? Или, может, вы оба? Или, может, вас вообще нет, а есть только колодец?

Виктор молчал. Его злость угасла так же быстро, как и вспыхнула, оставив после себя усталость и апатию.

— Ладно, не буду тебя страшить, — Глеб бросил лист обратно на стол. — Я ведь чего пришёл-то? Помочь. Да-да, не удивляйся. У меня к тебе поручение. Важное. От тех, кого

ты своим писанием... потревожил. Они хотят, чтобы книга была закончена. Но закончена правильно. Ты начал не с того конца.

— Что значит — не с того? — машинально спросил Виктор.

— А то и значит. Палиндром, чтобы он заработал, нужно писать с середины. А читать — с любого конца. Ты начал писать первую главу для прямого чтения. Правильно. Но ты забыл, что у твоей книги есть и обратное чтение. И оно главное. Ты должен прямо сейчас, этой же ночью, начать писать десятую главу. Последнюю. Ту, с которой всё начнётся для обратного читателя. Иначе...

— Иначе что?

— Иначе твоя реальность схлопнется, — просто сказал Глеб. — Ты слишком глубоко залез. Ты уже не просто автор. Ты — точка перехода. Ты — та самая середина палиндрома, вокруг которой всё вертится. Если ты не напишешь конец сейчас, то твоя собственная жизнь начнёт раскручиваться в обратную сторону. Ты начнёшь забывать. Сначала забудешь, что было вчера. Потом — что было год назад. Потом — как звали твою жену. Потом — как тебя зовут. А потом... потом ты окажешься там. В палате номер семь. С чистой памятью, как у новорождённого. И уже не ты будешь писать пациента, а пациент — тебя. Вернее, твою пустоту.

Виктор слушал этот бред, и его разум отчаянно сопротивлялся. Но в глубине души, там, где живут иррациональные,

первобытные страхи, он знал, что Глеб говорит правду. Вернее, не так: он не знал этого умом, но чувствовал. Всем своим существом чувствовал, что механизм, запущенный в ту первую ночь бессонницы, уже работает. И шестерёнки этого механизма перемалывают его жизнь, его память, его личность.

— Что я должен делать? — спросил он тихо.

— Вот это другой разговор, — одобрительно кивнул Глеб. — Сейчас сядешь и начнёшь писать последнюю главу. Десятую. Ту, где пациент номер семь, или как ты его там назвал, делает шаг в зеркало и становится... ну, ты сам знаешь кем. Или не знаешь пока, но узнаешь. Перо само поведёт тебя. Ты только не сопротивляйся. Отдайся потоку. А я пока... я постерегу. Прослежу, чтобы никто не помешал.

Глеб снова уселся на стул, закинул ногу на ногу и затянулся папиросой. Его маленькие глазки, не мигая, смотрели на Виктора. Свёрток он положил на колени, но руку с него не убрал. Виктор перевёл взгляд на свой стол. На чистый лист бумаги, ожидающий пера. На рукопись, которая теперь казалась ему не просто стопкой бумаги, а живым, дышащим организмом, раковой опухолью, захватившей его жизнь.

Он медленно, как в тумане, подошёл к столу. Поднял опрокинутый стул. Сел. Взял в руки перо. Обмакнул его в чернильницу. Чернила были густыми, чёрными, похожими на венозную кровь.

— С чего мне начать? — спросил он, не оборачиваясь.

— С последней фразы, — ответил Глеб из своего угла. — Начни с последней фразы десятой главы. Той, которая будет первой фразой для обратного чтения. А потом пиши вспять. Пиши, как будто смотришь в зеркало и видишь там всё наоборот. Смерть — это рождение. Падение — это взлёт. Конец — это начало.

Виктор закрыл глаза. Он попытался представить себе самую последнюю сцену своего романа. Вернее, сцену, которая станет первой, если читать книгу с конца. Как это должно выглядеть? О чём она будет? Он напряг память, пытаюсь восстановить тот первоначальный замысел, ту идею, которая осенила его в первую ночь. Что-то про демона, пытающегося стать человеком. Про восхождение из тьмы к свету.

И постепенно, словно проступая сквозь толщу мутной воды, перед его мысленным взором начала вырисовываться картина. Глубокая, беспросветная тьма. Подземелье? Пещера? Ад? Нет, что-то более личное. Что-то, находящееся внутри. И в этой тьме — фигура. Человеческая? Нет. Что-то сторбленное, скрюченное, с длинными конечностями и горящими алыми глазами. Тварь, которая поднимается по каменной тропе вверх, к далёкому, едва брезжущему свету. Каждый шаг даётся ей с невероятным трудом. Каждый шаг — это мука. Но она идёт. Она стремится. Потому что знает: там, наверху, — зеркало. И за этим зеркалом — мир. И возможность стать иным.

Он открыл глаза и начал писать. Перо закрипело по бу-

маге, оставляя за собой цепочку слов.

«В крошечной тьме, где не было ни верха, ни низа, ни начала, ни конца, пробудилось нечто. Оно не имело имени, ибо имена дают лишь тем, кто есть, а оно пока ещё не было. Но оно хотело быть. Оно жаждало обрести форму, плоть, кровь, душу — всё то, что отличает живое от мёртвого, сущее от не-сущего. Это была чистая, незамутнённая воля к существованию, сжатая в точку, в сингулярность боли и желания...»

Строки ложились на бумагу одна за другой. Виктор писал, не задумываясь, не анализируя, не правя. Слова приходили сами, словно кто-то нашёптывал их ему на ухо. Это было то же чувство, что и в первую ночь, но усиленное во сто крат. Чувство, что он — лишь проводник, лишь инструмент в чьих-то руках. Это пугало и одновременно дарило странное, извращённое наслаждение. Он описывал путь твари из бездны — долгий, мучительный путь через слои реальности. Описывал, как она карабкается по осыпающимся склонам подсознания, как её хватают за ноги тени прошлого, как её слепят отблески будущего, как её терзают голоса настоящего.

«...и наконец, пройдя через семь кругов собственного ада, через семь слоёв отвергнутой памяти, через семь пелен иллюзий, оно увидело зеркало. Оно было огромным, в полный рост, и висело в пустоте, не поддерживаемое ничем. Его поверхность была гладкой, как замёрзшая ртуть, и отража-

ла лишь мрак. Но тварь знала: это — Дверь. Единственная Дверь, через которую можно войти в мир людей. И она начала свой последний шаг...»

Время перестало существовать. Виктор не знал, сколько прошло — час, два, три. Он писал, погружённый в транс, не чувствуя ни усталости, ни голода, ни жажды. Он заполнял страницу за страницей, и каждая из них была словно пропитана тьмой, сочащейся из-под пера. Глеб молча сидел в своём углу, и только огонёк его папиросы, разгорающийся при каждой затяжке, напоминал о его присутствии. Комната наполнилась дымом, который в тусклом свете лампы казался живым, извивающимся существом.

Наконец Виктор почувствовал, что поток иссяк. Он дописал сцену перехода, когда тварь касается поверхности зеркала, и её отражение начинает меняться, обретать человеческие черты. Это был последний шаг перед началом обратного путешествия — путешествия, которое будет описано в девятой главе. Он отложил перо и откинулся на спинку стула. Перед ним лежала изрядная стопка исписанных листов.

— Закончил? — подал голос Глеб.

— На сегодня — да, — ответил Виктор, вытирая испачканные чернилами пальцы о какую-то тряпку. — Теперь ты доволен?

— Я-то доволен, — усмехнулся санитар. — А вот доволен ли ты сам? Ты понимаешь, что ты сейчас сделал? Ты дал начало своему монстру. Ты написал первую точку в истории,

которая будет раскручиваться в обратную сторону. Теперь тебе придётся пройти весь этот путь вместе с ним. Главу за главой. Шаг за шагом. Вспять.

— Я не понимаю тебя, — устало сказал Виктор.

— Поймёшь, — пообещал Глеб. — Скоро поймёшь. Когда начнёшь забывать. А ты начнёшь, это я тебе гарантирую.

Он встал и, к удивлению Виктора, направился к выходу из кабинета.

— Ты... ты уходишь? — спросил Виктор, не веря своему счастью.

— А ты думал, я тут навечно поселюсь? — хмыкнул Глеб, обернувшись. — Нет, у меня ещё много работы. В палате номер семь сегодня пополнение ожидается. Один бедолага всю ночь на люстре провисел, пришлось снимать. Успел, правда, уже... того. Ну, да не впервой. Ты пиши давай. Девятую главу начинай. И побыстрее. Время не ждёт.

Он вышел в коридор, и его тяжёлые шаги затихли где-то в направлении выбитой входной двери. Виктор остался один. Он прислушался. Тишина. Только ходики в гостиной. И вдруг — звук, от которого его сердце снова сжалось в комок. Звук закрывающейся двери. Но не той, выбитой, а другой — тяжёлой, обитой дерматином, с лязгающим металлическим замком. Звук, донёсшийся словно из глубины его собственной головы.

Он вскочил и бросился в коридор. Входная дверь, целая и невредимая, висела на петлях. Никаких следов взлома. Ни-

каких следов Глеба. Только на полу, там, где он стоял, темнело маленькое пятнышко — пепел от папиросы. Виктор нагнулся и осторожно прикоснулся к нему пальцем. Пепел был ещё тёплым.

Он вернулся в кабинет, чувствуя себя полностью разбитым. Голова гудела, перед глазами плыли тёмные круги, тело ломило, как после долгой болезни. Ему следовало лечь спать. Но он знал, что не уснёт. И знал, что Марина не вернётся. Он был один. Один в пустой квартире с рукописью, которая стала его проклятием.

Виктор подошёл к столу и машинально перебрал листы, которые написал только что. Последняя глава. Глава десятая. Он перечитал последние строки.

«...и зеркало приняло его. Холодная гладь амальгамы расступилась, словно вода, и тварь, бывшая некогда лишь волей к существованию, сделала свой последний шаг. Она стала отражением. Стала человеком. И в тот же миг забыла всё, чем была раньше. Ад, из которого она вырвалась, остался по ту сторону стекла, лишь смутным кошмаром, тающим с первыми лучами рассвета. Она открыла глаза и увидела потолок. Белый, ровный, без единой трещины. Палата номер семь».

Круг замкнулся. Последняя фраза десятой главы была почти дословным повторением первой фразы первой главы. Только теперь она звучала совершенно иначе. Теперь это был не страх человека, очнувшегося в неволе, а вздох облег-

чения демона, вырвавшегося на свободу. Палиндром работал. Зеркало отражало.

Виктор почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он понял, что Глеб имел в виду под словом «пополнение». Тварь, рождённая его воображением, совершила переход и теперь заняла место человека. Место, которое он сам для неё приготовил. Пациент номер семь больше не был просто вымышленным персонажем. Теперь у него была душа. Или что-то, что заменяло душу твари из бездны.

Он бросил взгляд на осколки разбитого зеркала. В одном из них снова что-то мелькнуло. Виктор взял этот осколок в руку, стараясь не порезаться, и поднёс к глазам. В мутной глубине стекла отражался больничный коридор. И по этому коридору, спиной к Виктору, уходил санитар Глеб. Его белый халат развевался, словно от сквозняка. А рядом с ним, держась за его руку, шёл человек в больничной пижаме. Худой, с впалыми щеками и трёхдневной щетиной. Тот самый человек, чьё лицо Виктор видел сегодня днём в зеркале, поверх своего собственного.

Они прошли в дальний конец коридора и остановились перед дверью, на которой виднелась цифра «7». Глеб отпер дверь ключом и втолкнул пациента внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась. И в этот момент пациент обернулся. Его лицо было искажено ужасом. Он смотрел прямо на Виктора, словно видел его сквозь стекло, сквозь пространство и время. Его губы беззвучно шевелились, повторяя одно и то же слово.

— Помоги...

Виктор в ужасе отшвырнул осколок. Тот упал на стол, но, вопреки законам физики, не разбился на более мелкие куски. Он просто лежал, поблёскивая, и в его глубине продолжала разыгрываться немая сцена. Виктор схватил с пола какую-то тряпку и накрыл осколок. Видение исчезло.

Он понял, что больше не может здесь оставаться. Стены кабинета давили на него, книги на стеллажах, казалось, шептались, обсуждая его судьбу, тени в углах жили своей, тайной жизнью. Ему нужно было выбраться из этого дома. Немедленно. Сейчас же. Плевать на рукопись, плевать на Глеба, плевать на всё. Он должен найти Марину и рассказать ей... что? Что он сходит с ума? Что его вымышленные персонажи приходят к нему в гости? Что он боится спать, потому что во сне попадает в больничную палату? Она и так считала его ненормальным. Теперь у неё будут все основания вызвать санитаров. Настоящих санитаров из настоящей психлечебницы.

Но и оставаться одному было невыносимо. Виктор накинул пиджак, сунул ноги в ботинки и решительно направился к входной двери. Он положил руку на холодную металлическую ручку, повернул её, потянул дверь на себя... и замер.

Перед ним был не лестничная площадка его старого дома. Перед ним был длинный больничный коридор, с облупившейся зелёной краской на стенах, с цементным полом, с рядом дверей, обитых дерматином. Где-то в конце коридора,

под самым потолком, тускло горела лампочка под железным колпаком. Пахло карболкой и подгоревшей овсянкой. И из-за одной из дверей, той, что с цифрой «7», доносился приглушённый, полный отчаяния стук.

Виктор, не помня себя от ужаса, захлопнул дверь. Прислонился к ней спиной, тяжело дыша. Сердце колотилось так, что боль отдавала в левую руку. Он закрыл глаза, сосчитал до десяти и снова открыл. Сделал глубокий вдох, повернулся и снова осторожно приоткрыл дверь.

На лестничной площадке горела тусклая лампочка. Пахло кошачьей мочой и жареным луком из соседней квартиры. Напротив скучала знакомая облупившаяся стена. Никакого больничного коридора. Никакого стука. Обычный подъезд старого доходного дома.

Виктор медленно прикрыл дверь и запер её на замок. Возвращаться в кабинет не хотелось. Он прошёл на кухню, зажёл свет, поставил на плиту чайник. Руки тряслись так, что спички ломались одна за другой. Наконец ему удалось зажечь газ. Синее пламя весело заплясало под конфоркой. Этот обыденный, мирный звук немного успокоил его. Он сел на табурет и уставился в одну точку.

Что ему делать? Позвонить Марине? Но что он ей скажет? «Дорогая, вернись, пожалуйста, мне страшно одному»? Нет, он не мог этого сделать. Гордость не позволяла. Да и что она сможет сделать? Чем поможет? Разве что действительно вызовет врачей, и тогда его упекут в настоящую клинику. А он

чувствовал, что если попадёт в настоящую клинику, то уже никогда не сможет отличить её от вымышленной. Грань и так истончилась до предела. Ещё один толчок — и она порвётся окончательно.

Он остался на кухне. Заварил себе крепкий, до черноты, чай и пил его мелкими глотками, обжигая язык и горло. Чай немного взбодрил, но не разогнал туман в голове. Глаза слипались. Организм, измученный бессонными ночами, требовал отдыха. Виктор боролся со сном как мог, но силы были неравны. Он пересел на старый, продавленный диванчик, стоявший в углу кухни, и сам не заметил, как провалился в тяжёлое, свинцовое забытье.

Ему приснился сон. Он снова был в кабинете, сидел за столом и писал. Только на этот раз он был не один. Напротив него, на стуле, сидел человек. Пациент номер семь. Тот самый человек, чьё лицо он видел в зеркале. Он был одет в больничную пижаму, его запястья были перебинтованы, а глаза горели лихорадочным, безумным огнём.

— Ты должен дописать книгу, — говорил пациент, наклоняясь к нему через стол. — Ты должен дописать её, чего бы это ни стоило. Потому что, если ты не допишешь... я умру. Или хуже — я буду жить. Вечно жить в этой палате, с чистой памятью, как новорождённый. И каждый раз, просыпаясь, я буду видеть потолок. Белый, ровный, без единой трещины. И так до скончания времён.

— Но я не знаю, что писать дальше, — оправдывался во

сне Виктор. — Я запутался. Я не понимаю, кто из нас реален, а кто — вымысел.

— Какая разница? — горько усмехался пациент. — Реальность — это то, во что ты веришь. А вера — это всего лишь привычка. Я привык верить, что я — это я. Ты привык верить, что ты — это ты. Но палиндром стирает привычки. Он всё переворачивает вверх дном. Ты — это я, посмотри на меня. Я — это ты, посмотри на себя. Мы — одно. Мы встретились в середине. В точке отражения. И теперь только от тебя зависит, кто из нас пойдёт вверх, а кто — вниз.

— Я не понимаю! — закричал Виктор.

— Поймёшь, — сказал пациент, и его лицо вдруг начало искажаться, плыть, терять человеческие черты. — Когда допишешь до середины. До пятой главы. Тогда и поймёшь.

Он резко выбросил руку вперёд и схватил Виктора за запястье. Хватка была железной, ледяной. Виктор попытался вырваться, но не смог. Пациент тянул его к себе, через стол, и его лицо уже превратилось в бесформенную маску из тьмы, в которой горели только два алых глаза.

— Проснись! — прошипела тварь ему в лицо. — Проснись и пиши! Потому что если ты не проснёшься сейчас, ты уже никогда не проснёшься там!

Виктор закричал и проснулся. Он лежал на кухонном диванчике, весь в холодном поту. Сердце колотилось. В окно лился серый, унылый свет пасмурного октябрьского утра. За окном моросил дождь. Чайник давно выкипел и погас. На

кухне было холодно и сыро.

Он сел, растирая лицо ладонями. Сон был настолько ярким и детальным, что он до сих пор чувствовал ледяное прикосновение к своему запястью. Он посмотрел на руку и обомлел. На том самом месте, где во сне его схватила тварь, красовался свежий синяк. Тёмно-фиолетовый, почти чёрный. Чёткий отпечаток пяти пальцев.

Этого ему хватило. Виктор вскочил и заметался по кухне, не зная, что делать. Телефон! Нужно позвонить Марине. Плевать на гордость. Пусть приезжает. Или пусть вызывает врачей, полицию, пожарных, кого угодно. Лишь бы не оставляли его одного в этой проклятой квартире, которая, кажется, уже перестала быть его квартирой, а стала чем-то вроде приёмного покоя в преисподней.

Он схватил телефонную трубку, висевшую на стене, и набрал номер тёщи. Длинные гудки. Никто не отвечал. Он набрал снова. Гудки, гудки, гудки. Тишина. Куда они могли уйти в такую рань?

Вдруг в трубке что-то щёлкнуло, и послышался голос. Но это не был голос Марины или её матери. Это был знакомый, глухой, лишённый обертонов голос.

— Алло? Виктор Алексеевич? Это опять я. Не спится? Это хорошо. Это правильно. У меня для тебя новость. Плохая новость.

Виктор молчал, оцепенев с трубкой в руке.

— Ты молчишь, ну и молчи, — продолжал голос Глеба.

— Я тебе так скажу. Ты зря вчера десятую главу написал. Ой, зря. Ты поторопился. Надо было всё обдумать как следует. Ты своим писанием не только тварь в человека выпустил. Ты ещё кое-кого впустил. Кое-что, что теперь сидит в твоей книге, как червяк в яблоке, и жрёт её изнутри. И оно будет жрать не только книгу. Оно будет жрать всё, что вокруг. Начиная с тебя.

— Что... что я впустил? — выдавил Виктор.

— А вот это ты узнаешь, когда до середины дойдёшь, — усмехнулся Глеб. — Когда палиндром замкнётся окончательно. Тогда и узнаешь. А пока — работай. Девятую главу пиши. Она тебе ещё много сюрпризов принесёт. И да, передавай привет жене. Хотя... знаешь, не передавай. Она всё равно тебя уже не помнит.

В трубке раздались короткие гудки. Виктор стоял, прижимая её к уху, и слушал этот монотонный, равнодушный звук. Что значит — «она тебя уже не помнит»? Это какая-то глупая шутка? Угроза? Или...

Он снова набрал номер. Гудки. И вдруг — ответ. Сонный, раздражённый мужской голос.

— Алло. Кто это?

— Позовите, пожалуйста, Марину, — сказал Виктор, стараясь говорить спокойно.

— Какую ещё Марину? — удивился мужчина. — Вы ошиблись номером. Здесь таких нет. И никогда не было.

В трубке раздались гудки. Виктор тупо смотрел на теле-

фонный аппарат. Ошибся номером? Нет, он знал этот номер наизусть. Это был номер квартиры матери Марины. Он звонил туда десятки, сотни раз. Этого не могло быть.

Или могло? Слова Глеба о том, что реальность начнёт схлопываться, всплыли в его памяти. «Ты начнёшь забывать. Сначала забудешь, что было вчера. Потом — что было год назад. Потом — как звали твою жену...» Но Глеб говорил, что забывать начнёт он сам! А получалось, что реальность забывает Марину! Или...

Страшная догадка пронзила его. Или же это не реальность забыла Марину. А сама Марина... забыла его? Забыла так быстро? Так основательно, что даже её мать теперь утверждает, что никакой Марины здесь нет?

Виктор бросился в прихожую. Ему нужно было увидеть её. Убедиться, что она существует, что она не плод его воображения. Он сорвал с вешалки плащ, рванул входную дверь... и снова замер на пороге. Страх перед тем, что он увидит за дверью, был сильнее, чем желание найти жену. Вдруг там снова будет больничный коридор? Вдруг он уже не сможет выйти в свой город? Вдруг дверь его квартиры окончательно превратилась в дверь палаты номер семь?

Он стоял на пороге, держась за ручку, и не решался сделать шаг. А за спиной, из глубины квартиры, доносился тихий, ритмичный звук. Будто кто-то скрёбся. Скрёбся в дверь кабинета.

Виктор оглянулся. Дверь кабинета была приоткрыта. Из

щели лился всё тот же мертвенный, лунный свет, хотя день был пасмурным и серым. Скрежет усилился. Кто-то или что-то находилось там, в кабинете, и это что-то ждало его.

Он понял, что выбора нет. Идти наружу — значит рисковать очутиться в палате. Остаться в квартире — значит встретиться с тем, что прячется в кабинете. Но там, в кабинете, по крайней мере, была его рукопись. Его книга. Его проклятие и его единственная надежда. Если палиндром можно было запустить, можно было и остановить. Нужно было только понять как. И единственный способ понять — продолжать писать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.